

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470+571)''19''

В. З. Акопян

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ЦЕНТРЕ МЯСНИКОВСКОГО РАЙОНА (1920-е гг.)¹

Статья посвящена дискуссии по проблеме статуса города Нахичевани-на-Дону. Этот город, основанный в 1779 г. крымскими армянами, в 1926–1928 г. являлся административным центром Мясниковского района. Ни один национальный район Северо-Кавказского края не имел своего центра в городе, тем более таком крупном, как Нахичевань.

Провозглашение Нахичевани административным центром района поддерживалось не только районными чиновниками и членами их семей, проживавшими в городе, но и широкими слоями общественности, видевших в этом глубокий национальный смысл. Иной мотив был у руководства края и округа. Определив Нахичевань в качестве центра района, они преследовали цель не допустить проникновения в состав руководства района сторонников клана Гадзиевых, имевших сильные

позиции в местной власти. Только после полной ликвидации «гадзиевщины» планировалось центр района переместить в Чалтырь или Крым. Автор показывает, что на следующий год после создания Мясниковского района вышестоящее руководство начинает оказывать давление на власти района с целью принятия ими самими решения о переводе центра из Нахичевани в одно из сел. В дискуссии о статусе Нахичевани, как центра района, решалась судьба самого города.

Без согласования со старожильческим армянским населением Дона, в 1928 г. центр района из Нахичевани-на-Дону был перенесен в село Крым, а затем в Чалтырь. В том же году город Нахичевань был присоединен к Ростову.

Ключевые слова: Юг России, Северо-Кавказский край, Нахичевань-на-Дону, донские армяне, национальный район, административный центр.

V. Z. Akopyan

THE DISCUSSION ON THE ADMINISTRATIVE CENTER OF MYASNIKOVSKY DISTRICT (1920s)

The article discusses the status of the city of Nakhichevan-on-Don. The city was founded by the Crimean Armenians in 1779, and in 1926–1928 it was the administrative center of the Armenian Myasnikovsky district. No single national district in the South of Russia had an administrative center in the city.

Proclamation of Nakhichevan as the administrative center of the district enjoyed support among not only local officials and members of their families but the public at large, as they believed it conveyed deep national meaning. The leaders of the region and the district pursued a different goal. Having proclaimed Nakhichevan the center of the district, they tried to prevent the supporters of the Gadzievs clan that used to hold leading official positions in the district from regaining them. It was planned to relocate the center to Chaltyr or the Crimea as soon as Gadzievs's in-

fluence was eliminated. The author shows that in the year following the creation of Myasnikovsky district the higher management began to exert pressure on the Armenian authorities with the aim of making their own decisions about the transfer of the center of New Nakhchivan in one of large villages. In the discussion on the status of Nakhichevan as a district centre the fate of the city was under question.

Without the consent of indigenous Armenian population of the Don, in 1928 the Central district of Nakhichevan was moved to the village of Crimea, and then to Chaltyr. In the same year, Nakhichevan was annexed to the city of Rostov-on-Don.

Key words: The South of Russia, North-Caucasus region, Nakhichevan-on-Don, the Don Armenians, national district, administrative center.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта № 16-01-00319а.

Настоящая статья посвящена дискуссии по проблеме статуса Нахичевани-на-Дону как административного центра Мясниковского национального района.

В научной литературе рассматриваемая тема не получила освещения. В лучшем случае констатировался сам факт присоединения Нахичевани-на-Дону к соседнему Ростову. Уже одно это обстоятельство обуславливает актуальность темы. В связи с этим в настоящей статье рассматриваются причины упразднения города основанного в 1779 г.

Это обсуждение велось во второй половине 20-х гг. XX в. кулуарно, на уровне районных и региональных властей, без согласования со старожильческим армянским населением Дона. По сути, в этот период решался вопрос не столько о центре национального района, сколько о судьбе одного из крупнейших городов на Юге России, основанного крымскими армянами в 1779 г.

Для понимания проблемы отметим, что процесс национально-государственного строительства в первые советские десятилетия охватил не только коренные этносы Юга России, но и народы, проживавшие за пределами своих государств или национально-государственных образований, т.е. в терминологии первых советских десятилетий – национальные меньшинства [1; 2].

В период нэпа в местах компактного проживания нацменьшинств создавались «малые», или «низовые» формы территориальной автономии – национальные районы. До начала 30-х гг. на Юге России, объединенном в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону, было создано два армянских, греческий, немецкий, туркменский, шапсугский, калмыцкий районы [3; 20].

Армянский национальный район на Дону, получивший название Мясниковский в честь известного политического деятеля Александра Мясникяна (Мясникова), был создан для населения исторической колонии, образованной крымскими армянами в соответствии с указом Екатерины II от 9 марта 1778 г.

Переселяя армян и греков из Крыма в Приазовье, русское правительство преследовало две взаимосвязанные задачи: во-первых, экономически ослабить Крымское ханство, по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. объявленное независимым от Османской империи и переходившее под покровительство России; во-вторых, заселить пустынные территории Юга России трудолюбивыми христианскими народами (армянами и греками), имев-

шими большой опыт в торговле, ремесле и в земледелии. Армянское население, с симпатией относившиеся к идее присоединения Крыма к России, в то же время не желало покидать полуостров, куда прибыли их предки из средневековой столицы г. Ани, разрушенной турками-сельджуками.

С целью изменить отношение крымских армян к переселению им обещали льготы, которые были закреплены в Грамоте императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г. В соответствии с ней переселенцам навечно отводилось 86 тысяч десятин земли рядом с крепостью Св. Дмитрия Ростовского в низовьях Дона, разрешено основать город и селения, предоставлялись различные льготы и широкое самоуправление. Грамота императрицы завершалась словами: «Все сеи преимущества жалует Мы торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена, для вящей силы своелично подписали, и Государственною Нашею печатью укрепить повелели» [9, с. 878 – 879].

Выходцы из крымских городов основали город Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань, или Нахичевань-на-Дону), названный в честь древнего армянского города Нахичеван на реке Аракс. Название города с армянского языка переводится как «место первого сошествия» и с древнейших времен считалось местом первого поселения Ноя после его сошествия с горы Арарат.

Сельские жители, прибывшие из Крыма, основали села Чалтырь, Топти (Крым), Мец Сал (Большие Салы), Покр Сал (Султан Сала), Несветай и в отдалении от них – Катеринован (ныне с. Самбек Неклиновского района).

Донские, или нахичеванские армяне в течение длительного времени пользовались широким внутренним самоуправлением. В 1780 г. в Нахичевани был образован магистрат, функционировал свой суд, полицейская служба. Нахичеванская колония имела свой герб. Главными его элементами были щит, улей и медоносные пчелы – символ трудолюбия.

Армянская колония входила в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии, центр которой располагался в Таганроге. В 1802 г. Нахичевань и армянские села вошли в Екатеринославскую губернию. В 1887 г. Ростовский уезд в качестве округа был присоединен к Области Войска Донского, центром которой был Новочеркасск.

Спустя два десятилетия после основания города Нахичевани, он становится крупнейшим экономическим центром на Юге России.

Таким же высоким уровнем характеризовалась и социально-культурная инфраструктура Нахичеванской колонии. В городе действовали Армянское духовное управление, девять благотворительных и просветительских учреждений, женские и мужские гимназии, ремесленное и коммерческое училища, публичная библиотека, общество любителей драматического искусства и др. В 1900 г. было построено новое здание театра. В местной типографии, основанной в 1783 г., издавались периодические издания, учебники, художественная литература. В Нахичевани и в окрестных селах к концу XIX в. действовало 15 армянских церквей и приходские училища при них. В городе располагался викариат, а затем и епархия Бессарабской и Ново-Нахичеванской епархии.

До 1860-х гг. Новая Нахичевань по всем параметрам превосходила соседний Ростов-на-Дону. Однако ситуация коренным образом изменилась в пользу Ростова после указа императора Александра II от 30 июня 1867 г. о постройке железной дороги от станции Аксайской до Ростова. Численность его населения увеличилась в несколько раз, вначале опередив Нахичевань, а к концу века в три раз его превысив. Если в 1860 г. в Ростове проживало 17,5 тыс. человек, то в 1897 г. – 119,5 тыс. В последнюю четверть XIX в. население г. Нахичевани росло главным образом за счет неармянского «иногороднего» населения и к концу века численность армян и представителей других национальностей уравнилась, составив 32 тыс. человек. В пореформенный период армянское самоуправление было ликвидировано. В то же время Нахичевань и армянские села сохраняли полнокровную национальную жизнь и по-прежнему оставались самой сильной армянской общиной в России.

Несмотря на то, что армяне Нахичевани и окрестных сел являлись единым национальным организмом, интенсивно изменяется структура самой армянской части населения Нахичевани. Увеличивается доля «некрымских» армян, главным образом, за счет выходцев из Закавказья и беженцев из Западной Армении. При этом сельчане сохраняли свою гомогенность. Хотя «пришлые» армяне привнесли новые штрихи в характер города, Нахичевань сохраняла свой прежний «анийско-крымский» колорит. В целом численность городских и сельских армян была примерно одинаковой.

После установления советской власти на Дону (январь 1920 г.) почти 50-тысячная нахичеванская община была административно «расчленена» на две части. Новая Нахичевань

все больше интегрировалась в Ростов. Близлежащие к городу армянские села в 1924 г. были включены в состав Аксайского района. Хотя административные учреждения района располагались в Нахичевани, сам город непосредственно в район не входил. За неполные два года своего существования этот «смешанный» русско-армянский район показал свою искусственность, нежизнеспособность и бесперспективность. Руководство и армянское население района были «оторваны» друг от друга. Большинство жителей сел оставались безучастными ко всем мероприятиям советской власти. Засевший в руководстве района клан Гадзиевых терроризировал население армянских сел.

Недоверие к советской власти одной из крупнейших армянских общин, находившейся за пределами исторической родины, было невыгодно и с экономической точки зрения и, что особенно тревожило руководство, вредило международному имиджу советской власти. Изменить ситуацию, по мнению руководства Северо-Кавказского края и Донского округа, могло создание национального района. Фактически речь шла о воссоздании самоуправления донских армян в «советской упаковке». В ней национальное рассматривалось как преходящая форма, которая через непродолжительное время будет полностью заменена коммунистическим и космополитическим содержанием. Даже такой горячий сторонник создания национального района, как секретарь райкома ВКП(б) Э.М. Гигоян, выступая на I районном партийном совещании Мясниковского района (30 октября 1926 г.), вынужден был сказать следующее: «Работа наших ячеек должна быть направлена на пропаганду и разъяснение ленинского разрешения нацвопроса и разъяснение того, что выделение национального района – не цель, а средство, направленное на подтягивание отсталого крестьянства района к более передовым и развитым народам Советского Союза» [16, л. 1].

Первое Донское окружное совещание по советскому строительству (октябрь 1925 г.) приняло резолюцию «О работе среди национальных меньшинств», в которой впервые признавалась необходимость организации самостоятельного армянского района в округе в составе шести сельсоветов. В принятом решении предлагалось вынести вопрос на рассмотрение не только армянского населения, проживающего на данной территории, но и жителей соседних хуторов и станиц, которые не должны были войти в национальный район

[15, л. 11]. После различных согласований по партийной и советской линиям, 10 мая 1926 г. состоялся I съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Мясниковского района, на котором были утверждены все принятые на вышестоящем уровне решения по национальному району. Съезд провозгласил Нахичевань административным центром армянского района [7].

Уникальность этого решения заключалась в том, что ни один национальный район Северного Кавказа и многих других регионов страны не имел своего центра в городе, тем более таком крупном, как Нахичевань, превосходивший по численности центры северокавказских автономий. В рассматриваемом регионе, кроме армян, ни один дисперсный этнос не имел основанные им города. Помимо Новой Нахичевани, это Армавир и Святой Крест (Буденновск).

В то же время город Нахичевань, в котором проживало 71 054 человека [8], включая более чем 20-тысячное армянское население, лишь формально провозглашался центром района. Вся хозяйственная и социально-культурная инфраструктура города к Мясниковскому району не относилась. Важнейший национальный сегмент, объединявший в прошлом единую городскую и сельскую нахичеванскую общину, – Ново-Нахичеванская епархия ААЦ подвергалась преследованию и в конце концов была разгромлена [4].

Национальному району в городе принадлежали только служебные квартиры чиновников и несколько помещений, в которых располагался немногочисленный партийно-советский аппарат. Другие «армянские объекты» (в том числе: театр, клубы, издательство, редакция краевой газеты, педагогический техникум и др.) призваны были обслуживать как горожан, так и все армянское население края, включая Мясниковский и Армянский (на Кубани) районы.

Провозглашение Нахичевани административным центром района поддерживалось не только районными чиновниками, проживавшими в городе, но и сельская интеллигенция, видевшей в этом глубокий национальный смысл.

Иной мотив был у руководства края и округа. Определив Нахичевань в качестве центра района, они преследовали цель не допустить проникновения в состав руководства района сторонников Гадзиевых, имевших сильные позиции в сельских партиячках и сельсоветах. Только после полной ликвидации «гадзиевщины» планировалось центр района переместить в Чалтырь или Крым. Это наше предположение подтвердилось спустя год. Действительно, на следующий год после образования Мясников-

ского района Оргбюро ВКП(б), возглавляемое Э. М. Гигояном, сформировав новый состав сельских парторганизаций и завершив организационный этап в формировании райисполкома и райкома, рапортовало о том, что с «гадзиевщиной» в районе в основном покончено.

С этого момента Донком ВКП(б) и Донисполком начинают подспудно оказывать давление на руководство района с целью принятия им самим решения о переводе центра из Нахичевани в Крым или Чалтырь. В условиях все еще продолжавшегося относительно либерального нэпа была поставлена задача возложить эту миссию на «национальное» руководство района. Краевые и окружные власти опасались обвинений со стороны армянской общественности в том, что по отношению к армянам проводится дискриминационная политика. Этим могла воспользоваться и антисталинская партийная оппозиция в Москве.

Позднее станет ясно, что вопрос о статусе Нахичевани был лишь шагом на пути к включению его в состав соседнего Ростова-на-Дону. Заметим, что в соответствии с Всесоюзной переписью населения 1926 г. в Ростове проживало 231,3 тыс., а в Нахичевани – 71 тыс. человек. Официальные данные численности населения Нахичевани не учитывали тысячи западноармянских беженцев.

Основные решения по изъятию города из состава района принимались в период нахождения во главе крайкома М. С. Чудова (1926–1927), а затем сменившего его сталинского выдвиженца А. А. Андреева (1928–1930). Доступные нам архивные документы впервые зафиксировали дискуссию о статусе Нахичевани только 19 мая 1927 года, когда на заседании бюро Донкома рассматривались результаты деятельности комиссии, изучавшей итоги развития Мясниковского района в течение первого организационного года [11, л. 131–145].

Кроме секретаря райкома Э. М. Гигояна, с докладом выступил Н. Р. Заргарян, инструктор Северо-Кавказского крайкома, курировавший Мясниковский район [12, л. 29–29а; 14, л. 8]. В силу занимаемой должности Заргарян озвучил позицию вышестоящих партийных органов по основным проблемам развития Мясниковского района. Он фактически выступил против «национализации» (коренизации), под которой понимался перевод деятельности руководящих органов, общественных организаций и учреждений культуры, включая школы, на родной язык. Однако нас интересует его позиция по Нахичевани. Приведем пространную выдержку из его речи: «Насчет районно-

го центра. В задачи комиссии, которая была создана для обследования Мясниковского района, не входило решать вопрос о перемещении районного центра. Но в процессе работы у всей комиссии создалось определенное твердое мнение, что районному аппарату как РИКу [райисполкому], так и РК [райкому] в Нахичевани нечего делать. Села Чалтырь и Крым находятся рядом. Только одна улица отделяет эти села друг от друга. В этих селах живут около 2/3 всего района. Село Чалтырь было резиденцией Гадзиева. Результаты «гадзиевщины» там сильнее, чем где бы то ни было. Влияние партийной ячейки в селе Чалтырь очень слабо. Было постановлено – признать положение Чалтырской ячейки катастрофическим. Нужно усилить партиячку партийными работниками» [11, л. 131].

Заргарян не только предложил «перебросить» надежные кадры в Чалтырь, но и весь «районный аппарат». Более того, Заргарян ввел всех в заблуждение, заявив, что перемещение центра района из Нахичевани является «общим мнением» [11, л. 132]. Причем инструктор отметил, что эту позицию поддерживает и Гигоян, что вызвало у последнего удивление и возражение.

Выступивший после Заргаряна Гигоян, понимая неотвратимость переноса центра из Нахичевани, пытался найти любой повод для того, чтобы оттянуть решение этого вопроса. Первый его аргумент касался значительных финансовых затрат, которые потребуются для обустройства центра в Чалтыре или Крыму. Вот фрагмент его выступления: «Должен сказать, что переброска районного центра сейчас потребует минимум 100 тыс. руб., т. е. специального помещения для районного центра... Там нет [даже] помещения для сельсоветов. А если районный аппарат перебросить туда, помещения совершенно не будет. Вопрос связан с денежными средствами» [11, л. 132]. Денег в окружном бюджете не было, и этот аргумент, по мнению Гигояна, мог сыграть свою роль для отсрочки в принятии решения. Но Гигоян привел еще два аргумента против переноса центра района. Во-первых, отметил он, Заргарян не считается с мнением части руководителей, чтобы их переселили в Чалтырь. Отмечая, что лично он с этим мнением «очень даже считается», Гигоян выдвинул второй – главный козырь. Перенос центра из Нахичевани в Чалтырь или Крым «будет означать, что районный аппарат, районный исполнительный комитет, советский аппарат перейдут в руки той части интеллигенции, о которой тов. Заргарян говорил. Мы были

свидетелями того, что интеллигенция в Чалтыре сама выдвинула, при перевыборах сельсовета, лозунг о переброске районного центра в Чалтырь, имея в виду, что очень много работников районного аппарата откажется, и она возьмет аппарат в свои руки» [11, л. 132].

Таким образом, Гигоян, отметив опасность перехода районного аппарата к сторонникам «клана Гадзиевых», надеялся, что этот аргумент снимет вопрос о переносе центра на неопределенное время.

Одновременно секретарь райкома подверг критике позицию Заргаряна и других работников Донкома, которые выразили сомнения в необходимости осуществления коренизации района.

Последовавшие выступления представителей округа показали, что попытка Гигояна отстоять Нахичевань обречена на неудачу. Выступивший окружной работник Щуголь сказал следующее: «О прикреплении этого [Мясниковского] района к Нахичевани, к городу мы много раз толковали, что это нецелесообразно» с точки зрения отдаленности от населения, что «отдаляет верховную власть от населения» [11, л. 136]. Щуголь намекнул, что имеются сторонники полной передачи Нахичевани району. При этом он заметил, что это мнение звучит «эпизодически»: «У нас имеется очень много материалов и документов о том, что население недовольно... И в Донисполкоме считают нецелесообразным такое положение» [11, л. 137]. Щуголь завершил свое выступление словами: «Люди могут прекрасно устроиться и в Крыму и в Чалтыре. Нужно быть власти поближе к району» [11, л. 138].

Другой окружной работник Нюрин, выступивший по данной проблеме, сказал следующее: «Мы очень затягиваем дело с перемещением работников отсюда, из города, в гущу населения... Я удивляюсь тов. Гигояну, когда он утверждает, что перемещение райцентра, скажем, в Чалтырь будет только повышением расходов по этому району. Наоборот. Кроме экономии от этого ничего не будет. Во-первых, все эти разъезды в Ростов – это большой расход... Во-вторых, при наличии в Чалтыре райцентра – там работа местного сельсовета может быть совмещена с работой РИКа. Чалтырь и Крым, по существу, два слитных селения. Причем эти два селения... сейчас имеют около 20 000 населения. Около 2/3 населения всего района... это почти уездный город, по численности населения, где можно развернуть достаточную работу... Поблизости находятся прочие сельсоветы этого же района. От этого была бы экономия.

...В Чалтыре такого вопроса, как жилищный кризис нет, чтобы нельзя было разместиться несколькими работникам» [11, л. 139–140].

На этом заседании по вопросу о центре района последнюю точку в разгоревшейся полемике должен был поставить «национал». Эту миссию выполнил в тот период «самый высокопоставленный» чиновник-армянин на Дону – заведующий организационным отделом Донкома ВКП(б) Ваган Никитович Бальян, член партии с августа 1916 г., в 1928 г. занявший должность секретаря Донкома ВКП(б). «По-моему, – сказал Бальян, – тут т.т. правильно поставили вопрос относительно перемещения центра в Чалтырь. Это и есть средство большего вовлечения населения в советское строительство, рано или поздно нужно к этому идти» [11, л. 145]. Самым важным, на наш взгляд, были его слова: «рано или поздно». Тем самым его позиция была в какой-то мере компромиссной.

Здесь уместным будет заметить, что накануне рассматриваемого заседания Донкома вместо первого председателя райисполкома Дереника Захаровича Апресяна, отбывшего в Москву на ответственные должности в органы ВЧК-НКВД, был назначен А. Г. Аваков [17, л. 98]. Полагаем, что Апресян мог так же решительно отстаивать сохранение центра района в Нахичевани. Поэтому его отзыв в Москву значительно ослабил позицию Гигояна и его сторонников.

Таким образом, вопреки повестке дня (вспомним слова Заргаряна, что в задачи комиссии, обследовавшей район, не входило решать вопрос о перемещении районного центра) участники заседания бюро Донкома основное внимание сосредоточили на этой проблеме.

Интересно отметить, что Э. М. Гигоян в своем заключительном слове больше не поднимал вопрос о центре района. Он понимал, что бальяновское «рано или поздно» является пределом возможного компромисса в тех условиях. Занятая секретарем позиция не могла остаться без последствий для него самого.

Между тем созданная комиссия Донкома и Донисполкома в составе Бальяна, Рудь и Самсонова, обследовав Мясниковский район и формально «изучив» проблему административного центра района, к весне 1928 г. подготовила предложения, в которых судьба Нахичевани была предрешена. Безусловно, этот вопрос решала не указанная комиссия или окружные власти, и даже не край, а Москва. Так или иначе, но 22 марта 1928 г. Донком, заслушав предложение комиссии, принял следующее решение: «1. Признать необходимым перевести в мае с.г. районный центр Мясников-

ского района в село Чалтырь или Крым, поручив РК ВКП(б) определить, в какое из двух сел центр переводится. Поручить фракции ДИКА изыскать необходимые средства, связанные с переводом и устройством районного центра. 2. Считать необходимым перевод в ближайшее время во всех партийных и советских аппаратах района делопроизводства на литературный армянский язык» [13, л. 15].

Донком, не без основания опасаясь того, что это решение встретит в районе противодействие, на том же заседании (22 марта 1928 г.) принял резолюцию: «Организовать комиссию для обследования работы Мясниковской райпарторганизации под углом проверки выполнения директив Бюро ДК по докладу Мясниковского РК (19.05.1927) в составе Володина (председатель), Волкова, Самсонова, Заргаряна и Торосьяна, поручив комиссии в 3-недельный срок закончить работу по обследованию» [13, л. 16].

Можно не сомневаться, что комиссия должна была проследить, как в районе осуществляется перенос центра и одновременно «переместить» из района тех, кто мог бы этому воспрепятствовать. Край торопил окружные власти с решением этого вопроса, так как вопрос о присоединении Нахичевани к Ростову принципиально был решен, так же как и превращение объединенного более чем 300-тысячного города в отдельную территориальную единицу.

Главные противники переноса центра района из Нахичевани к весне 1928 г. были нейтрализованы. Гигоян ожидал решения вопроса о своей дальнейшей судьбе и не мог противодействовать решению, принятому 30 марта на пленуме райкома. На этом пленуме с докладом «О перенесении Райцентра» выступил член райкома Минас Тарасович Шагинян. В принятом по его докладу решении говорилось: «1) Исходя из постановления ДК и решения РК о переводе райцентра в какой-либо населенный пункт, считать целесообразным перевод райцентра в с. Крым, имея в виду, что по территориальному распоряжению Крым стоит ближе к остальным селам и что там уже имеются районные организации (райколхозсовет, райсеменоводсоюз), предполагается к постройке районная больница и т. д.; 2) Окончательный срок перевода всех районных организаций установить не позже 31 мая с.г., обусловив осуществление этого срока с отпуском необходимых средств (курсив – А. В.). Донскими организациями на расходы, связан-

ные с переходом», в том числе меры, связанные с финансированием жилья для работников аппарата и т. д. [18, л. 1].

Между тем все правовые формальности, связанные с перемещением центра района из Нахичевани в село Крым, были соблюдены. Как и требовалось, власти района мотивировали свои решения интересами крестьянских масс. Такое обоснование приводилось на собраниях с трудящимися и в местной печати.

Краевой печатный орган в конце октября 1928 г. сообщал о том, что принято постановление о соединении Ростова и Нахичевани и создании в нем единого горсовета [8]. Тогда же Президиум крайисполкома принял постановление «О выделении г. Ростова и Нахичевани-на-Дону из состава Донского округа». В нем указывалось на необходимость установления прямого подчинения объединенного города краевым органам. Созданной комиссии поручалось практически проработать этот вопрос [5, с. 33].

Немногом больше, чем через месяц М. Т. Шагинян, исполнявший обязанности председателя исполкома [17, л. 98], признавал, что все обещания окружных и краевых властей о выделении значительных средств на обустройство нового райцентра оказались только на бумаге. Выступая на заседании бюро Мясниковского райкома с информацией «О мероприятиях по переводу райцентра», Шагинян выразил несогласие со сметой, выделенной Донисполкомом на эти цели, и предложил перенести вопрос на обсуждение Донкома. Одновременно поручалось «фракции РИКа воздержаться от покупки дома, составив смету с учетом всех минимальных текущих расходов, связанных с переездом» [17, л. 32–33]. Большая часть бюро райкома его поддержала по этому вопросу.

Нам неизвестно, как конкретно Донком и Донисполком отреагировали на апелляцию райкома. Но известно, что Мясниковский район средств на свой новый центр не получил.

В декабре 1928 г. в Ростов приехал представитель ВЦИК Соколовский. С 10 по 14 декабря он изучал сложившуюся в районе ситуацию, в том числе в связи с перемещением центра. Возможно, работник ВЦИК РСФСР прибыл с целью согласовать все вопросы в связи с подготовкой запоздалого на несколько лет постановления Президиума ВЦИК об образовании Мясниковского района, но уже без Новой Нахичевани. На районной партийной конференции, проходившей в селе Крым 14 декабря, в присутствии Соколовского, представителей края и округа, руководители района высказали свои

претензии к окружному руководству по многим вопросам. Причем спровоцировал их на это сам Соколовский, в своей речи упрекнувший власти округа в невнимании к району.

Приведем пространную выдержку из его выступления: «Я в вашем районе нахожусь уже четыре дня, и мне трудновато анализировать вашу обстановку, хотя знаю из опыта, что в районе или округе, находящемся ближе к своему центру, обстановка обыкновенно легче, а у вас наоборот, центр рядом, а состояние незавидное. Возьмите ваш райком, имеется помещение, ...секретарь, машинистка и в роли универсального курьера женорг. Присмотревшись к вашей работе, удивляюсь, как вы управляетесь с работой, и на чем держится у вас Советская власть. Обыкновенно в нацрайонах, округах процветает национализм, у вас этого нет, несмотря на то, что руководитель вашей окружной парторганизации – секретарь ДК – армянин Бальян, человек, знакомый с особенностями вашего быта и уклона. Я это говорю, чтобы подчеркнуть, что ДК, имея представленные о вашем районе, внимания в достаточной степени ему не уделял. Ведь это нестерпимо, когда несколько коммунистов тщетно бьются и стараются обратить на работу в районе внимание окрорганизации, и на это никто не реагирует...» [19, л. 1].

Интересующий нас вопрос затронул в своем выступлении М. Т. Шагинян. Сообщая о том, что, несмотря на то что район посетило множество комиссий ЦИК и ЦКК, реальных положительных сдвигов нет. «Возьмите переезд нашего района сюда. Нас без разговоров *из города выгнали* (курсив – А. В.), для нас существует партдисциплина, а вот Донком переезжает, так его работники не очень-то собираются в Новочеркасск, для них дисциплина не существует, как не существует она и в отношении лиц, не желающих с нами работать. Переводя нас сюда, надо было бы создать мало-мальски подходящие условия для работы, нам этого не создали» [19, л. 3]. Здесь уместно заметить, что в связи с тем, что в октябре 1928 г. Ростов (вместе с Нахичеванью) стал отдельной единицей Северо-Кавказского края, центром Донского округа стал Новочеркасск. Далее, говоря о коренизации аппарата района, Шагинян отметил, что «мы проделали большую работу по переводу нашего аппарата на армянский язык и опять препятствия бюджетного порядка, дело это у нас сорвали» [19, л. 3].

По этой теме М. Т. Шагиняна поддержал Гигоян. Он подверг критике кадровую политику Донкома. «Возьмем наши кадры на выдвиже-

ние, – говорил Гигоян. – Мы послали в этом году в Совпартшколу пять человек. Из них приняли одного, и то – русского. К нашим кандидатам предъявляются чрезмерные требования, не считаясь с их национальной отсталостью, ведь средств на предварительную подготовку мы не имеем» [20, л. 3]. Далее он отметил, что в районе давно покончили с «гадзиевщиной», бесчисленные комиссии и ОГПУ не нашли ее, однако «под флагом борьбы» с этим явлением некоторые товарищи «просто желают расправиться с негодными людьми» [19, л. 5].

В масштабах района происходила «кадровая революция», которая осуществлялась под знаменем борьбы с «элементами, в той или иной степени в прошлом связанными с “гадзиевщиной”». Последняя цитата взята из постановления Бюро Мясниковского райкома от 31 мая 1928 г., где рассматривался «вопрос об антипартийных поступках группы членов Чалтырской ячейки – Хейгетов, Кияхов и др.»; был возбужден вопрос об исключении из партии Атаманова и Меликсетова [13, л. 72].

Эти и другие кадровые решения принимались по результатам работы, созданной Донком комиссией, подготовившей «Выводы по обследованию состояния работы Мясниковской районной парторганизации за время с 1 апреля 1927 по 1 апреля 1928 г.». В документе руководство района во главе с Гигояном подверглось жесткой критике главным образом из-за вопроса о центре района: «Неправильность занятой райкомом линии в вопросе перемещения центра из Нахичевани в одно из селений дала возможность группе Джалотьяна этот момент использовать с целью дискредитации как райкома, так и отдельных руководителей партийной и советской работы» [13, л. 74].

В августе 1928 г. (8 августа) Донком на своем заседании по результатам очередного обследования Мясниковского райкома ВКП(б) рассмотрел вопрос «О переброске т. Гигояна на другую работу и выдвижение другого работника в качестве секретаря РК ВКП(б)» [14, л. 7а]. После соответствующего решения в крае и в округе бюро Мясниковского райкома 28 сентября 1928 г. приняло решение назначить Гигояна редактором газеты «Мурч-Мангах», издававшейся в Нахичевани [13, л. 70]. Заметим, что в октябре 1928 г. новый секре-

тарь Аведиков (член партии с 1912 г.) проявил, как отмечалось на заседании бюро Донкома, недисциплинированность и «без ведома ДК оставил работу в Мясниковском райкоме и прибыл в Ростов» [13, л. 82а]. Возможно, поступок Аведикова был связан не с болезнью, а с его несогласием с изменением статуса Нахичевани.

Проблема Нахичевани оказалась настолько серьезной, что только после переноса административного центра в Крым и присоединения Нахичевани к г. Ростову-на-Дону последовало запоздалое (почти на четыре года) постановление Президиума ВЦИК от 4 марта 1929 г. за подписью М. И. Калинина: «Образовать национальный армянский Мясниковский район с центром в селении Крым, в составе Несветайского, Султан-Сальского, Крымского и Чалтырского сельсоветов Аксайского района». А уже 12 сентября 1929 г. центр района перенесли из села Крым в Чалтырь.

Но не это постановление стало последним аккордом в истории Нахичевани. На заседании секретариата крайкома ВКП(б) 14 октября 1929 г. слушался вопрос «О переименовании Нахичеванского района» (докладчики: Беленький, Эльяшберг). Без какого-либо обсуждения было принято следующее решение: «Постановили: не возражать против переименования Нахичеванского района в Пролетарский район. Поручить фракции Ростовского горсовета оформить это в советском порядке» [15, л. 15].

Был ли указ из Москвы по этому вопросу, или инициатива исходила от секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреева, примерявшего уже «лампасы» председателя ЦКК ВКП(б), наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР и зам. председателя СНК СССР, уже не имело значения. В период «великого перелома», наступившего в 1929 г., жестостящие власти или четко исполняли приказы сверху или делали то, что от них ожидали в Центре.

Таким образом, история города основанного в 1779 году ровно через 150 лет после его основания завершилась так печально. Упразднение Нахичевани-на-Дону, как и в других аналогичных случаях, происходило волевым методом без учета мнения его жителей.

Источники и литература

1. Акопян В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа (опыт партийных и советских организаций в 1920–1927 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Ростов н/Д.: РГУ, 1991. 23 с.
2. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д: РГУПС, 2010. 170 с.
3. Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д:

РГУПС, 2014. 284 с.

4. Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.

5. Известия Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. 1928. № 20. 15 ноября.

6. Молот. 1926. 10 марта.

7. Молот. 1927. 1 января

8. Молот. 1928. 28 октября.

9. Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография II отделения Е.И.В.К., 1830. Т. XX. №14942.

10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 41.

11. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 120.

12. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 136.

13. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 169.

14. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 171.

15. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 932.

16. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 2.

17. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 8.

18. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 10

19. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 11.

20. Akopyan V. Z., Ermakov V. P. The «Local» Form of the National and Territorial autonomy and the possibility of the Application of its Experience // World Applied Sciences Journal. 2013. November 22. P. 1080–1084.

References

1. Akopyan V. Z. Razvitie gosudarstvennosti i kultury nacionalnyh menshinstv Severnogo Kavkaza. Opyt partijnyh i sovetskih organizacij v 1920–1927 gg. (*Development Of Statehood And Culture Of National Minorities Of The North Caucasus. Experience Of Party And Soviet Organizations In 1920–1927*): abstract of thesis. Rostov on Don: RSU publ., 1991. 23 p. (In Russian).

2. Akopyan V. Z. Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitelstvo, ekonomika i kultura. 1920–1940 gg. (*North Caucasus: State Building, Economy And Culture. 1920–1940.*). Rostov on Don: RSTU publ., 2010. 170 p. (In Russian).

3. Akopyan V. Z. Nacionalnye podrazdeleniya vo vlastnyh strukturah YUga Rossii. 1920–1930-e gg. (*National Divisions In The Power Structures Of The South Of Russia. 1920–1930*). Rostov on Don: RSTU publ., 2014. 284 p. (In Russian).

4. Akopyan V. Z. Gosudarstvennaya konfessionalnaya politika v otnoshenii Armyanskoj Apostolskoj Cerkvi na Yuge Rossii v 1917–1941 gg. (*State Confessional Policy Towards The Armenian Apostolic Church In The South Of Russia In 1917–1941*). Pyatigorsk: PSU publ., 2017. 160 p. (In Russian).

5. Izvestiya Severo-Kavkazskogo Kraevogo Ispolnitelnogo Komiteta (*Proceedings of the North-Caucasus Regional Executive Committee*). 1928. No. 20. November 20. (In Russian).

6. Molot. 1926. March 10. (In Russian).

7. Molot. 1927. January 1. (In Russian).

8. Molot. 1928. October 28. (In Russian).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (*Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire*). St. Petersburg, 1830. Vol. XX. No. 14942. (In Russian).

10. Documentation center for modern history of the Rostov region (CDNIRO). F. R. – 5. Inv. 1. D. 41. (In Russian).

11. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 120. (In Russian).

12. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 136. (In Russian).

13. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 169. (In Russian).

14. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 171. (In Russian).

15. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1. D. 932. (In Russian).

16. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 2. (In Russian).

17. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 8. (In Russian).

18. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 10. (In Russian).

19. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 11. (In Russian).

20. Akopyan V. Z., Ermakov V. P. The «Local» Form of the National and Territorial autonomy and the possibility of the Application of its Experience // World Applied Sciences Journal. November 22. No 8, 2013. P.1080–1084.